

Философия девочки. Рецензия на книгу: Тимофеева О. (2024) *Мальчики, вы звери*. М.: Individuum

АЛЕКСАНДРА Д. ДУДАРЕНКО

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва,
Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0009-5094-3932>

244

Рекомендация для цитирования:
Дударенко А. Д. (2026) Философия девочки. *Рецензия на книгу:* Тимофеева О. (2024) *Мальчики, вы звери*. М.: Individuum. *Социология власти*, 38 (1): 244-255
EDN: PWALEI

For citation:
Dudarenko A. D. (2026) Philosophy of a 'Girl'. *Book Review:* Timofeeva O. (2024) *Boys, You Are Beasts*. Moscow: Individuum. *Sociology of Power*, 38 (1): 244-255

Поступила в редакцию: 15.09.2025;
принята в печать: 20.10.2025
Received: 15.09.2025; Accepted:
20.10.2025

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Предмет этой рецензии — книга философа Оксаны Тимофеевой «Мальчики, вы звери» (Тимофеева 2024). Работа объединяет четыре текста, написанных в 2011–2023 годах, и представляет собой теоретическую рефлексию над наследием Зигмунда Фрейда. Переосмысливая классический психоанализ, Тимофеева предлагает трактовку психической травмы как коренящейся не в сексуальности, а в «зверином» измерении человеческого опыта.

Насилие и звериность

Тимофеева пишет теоретически насыщенно, но не академически сухо. Она сама определяет книгу не как исследование в строгом смысле, а как «упражнение в рефлексии» (с. 8), свободно обращающееся с каноническим материалом. В жанровом отношении текст располагается на пересечении философского, научного и авторефлексивного письма. В выпуске № 3 «Социологии власти» за 2025 год, посвященном теориям насилия, была опубликована статья «Лошадь бьют: от насилия к сексуальности и об-

ратно» — это адаптированная вторая глава рецензируемой книги. В ней случай маленького Ганса, боящегося лошадей, разбирается Тимофеевой как пример культурно обусловленного воспитания насилия. В книге с этим сюжетом соседствуют две другие истории мальчиков-зверей, которые по-разному сообщают читателям о тесной связи буквального и метафорического животного с механизмом воспроизводства насилия и травмы.

Открывает книгу текст «Театр души», где показано, как девочки и женщины, прожившие опыт сексуализированного насилия со стороны мужчин, и их действия, высказывания и мысли по этому поводу интерпретируются Фрейдом и современным обществом. Тимофеева приводит в пример онлайн-движение по огласке травмирующих историй #metoo и замечает, как механизмы наложения вины и стыда инвертируются в ситуациях социального порицания женщин. В этой части книги авторка реконструирует аналитические тезисы Фрейда о происхождении психической травмы сексуализированного насилия. Погружаясь в психоаналитические объяснительные модели, которые трансформировались от теории ранней травмы к теории инфантильной сексуальности, Тимофеева отмечает, что наша психическая реальность (театр души, где все роли распределены заранее и все сцены (насилия) отрепетированы) формирует реальность материальную. Неважно, было ли что-то «в действительности», насколько правдивы обвинения или воспоминания жертв насилия: «мы живем в обществе, где, даже если нас никто не насиловал, нас все равно изнасиловали» (с. 25), — это происходит посредством работы механизмов воспроизводства насилия. Следующие три главы Тимофеева посвящает исследованию вне-сексуального объяснения функционирования театра души и его влияния на общественную и культурную реальность.

245

Анализ книги: машина маскулинности в воспроизводстве

Для Тимофеевой теория Фрейда, несмотря на свою замкнутость внутри рамок исследования сексуальности, становится инструментом для нетривиального обнажения структуры патриархата как устройства общества, основанного на воспроизводстве насилия сильных над слабыми. Книга «Мальчики, вы звери» в перепрочтении трех историй болезни демонстрирует влияние травмы — столкновения с насилием — на формирование и воспроизводство механизмов власти. Лошади, волки и крысы, живущие внутри мальчиков и мужчин, но подавляемые, становятся ключевыми объектами, запускающими социализацию в патриархальной системе распределения

насилия и заботы. Важным элементом книги являются автобиографические сюжеты Тимофеевой. Находясь в рамках психоаналитического дискурса, авторка открывает пространство для внутри-текстового диалога или полилога, знакомые сюжеты из ее жизни легко (пусть и риторически) могут быть дополнены личным опытом читателей и читательниц. Звери и те, кто низводится до их уровня, становятся объектами насилия, и в столкновении любви и невинности с жестокостью и битьем формируется травма, в период социализации и воспитания маскирующаяся под сексуальность. Фрейд, по мысли Тимофеевой, пропускает основополагающую зону формирования психики и ошибочно концентрируется на сексуальных психотравмах.

Критически оценивая книгу, важно отметить, что, несмотря на введение фигуры «девочки» как возможной позиции по ту сторону насилия, эта линия рассуждения остается незавершенной. Тимофеева не разрабатывает философию девочки как позитивную этическую или политическую модель и практически не обращается к проблематике заботы и любви как альтернативы воспроизводству насилия. В результате аналитическая сила книги сосредоточена на диагностике механизмов маскулинности и травмы, тогда как пространство ненасильственных практик, коллективных форм соучастия и заботы остается нетронутым. Именно эта лакуна (активно рефлекслируемая авторкой) и становится отправной точкой для дальнейшего размышления, предпринятого в рецензии.

246

Запуск механизма насилия, производящего социальную норму, локализуется в детстве, но остается вопрос об условиях формирования нормы, которая впоследствии воспроизводится. Кажется важным найти в очерченной Тимофеевой системе координат место для того, что может быть противопоставлено насилию, жестокости, нечувствительности к чужой боли.

Неочевидно, что происходит раньше: бинаризация по гендерному признаку или наущение насилию? С одной стороны, речь идет о «механизме насилия, производящем то, что мы считаем социальной нормой» (с. 7), а с другой — социальная норма в виде патриархальной системы, которая существует с интернализированным бинарным делением на мужчин и женщин, направляет механизм насилия и воспроизводит саму себя. Этот механизм можно рассматривать через концепт «системы» Никласа Лумана. Система воспроизводства насилия, как и лумановская система, самовоспроизводится, является замкнутой и автономной. Тем не менее механизм воспроизводства насилия не является непроницаемым: по мысли Тимофеевой, он запускается/замыкается в период детства. Дети заботливы и ласковы, но в определенный момент они вовлекаются в систему воспроизводства насилия. В какой момент любовь (или

сомнение в любви) превращается в самовоспроизводящееся насилие: когда появляется нуклеарная семья? когда появляются деньги и оружие (с. 11)? Или все-таки насилие и забота необходимы друг другу и действуют одновременно: как условные мальчики и девочки? С одной стороны, половое различие навязано, а с другой — сам процесс навязывания определяется половым различием: мы учим мальчиков бить, а девочек быть битыми? Есть ли что-то еще, что остается девочкам?

Философия девочки и практика заботы

Получается, что в жизни людей с рождения есть данность в виде всеохватывающей любви и заботы (с. 42), дети не различают себя и зверей и сочувствуют чужой боли, но в силу патриархального устройства общества и структуры нуклеарной семьи им приходится усваивать модель насильственного отношения.

В дихотомии насилия и заботы, мальчиков и девочек появляется пространство для вопроса об отношениях, в которых они находятся между собой. Тимофеева не конкретизирует положение девочек относительно насилия: необходима ли фигура девочки для конституирования насилия? Как соотносятся девочки и ненасилие, если мальчики — звери? Возможно ли четкое определение заботы и ее механизмов в рамках заявленной философии девочки? Тимофеева обрамляет книгу (с. 9, 132) тезисами о философии девочки, и в рамках этой рецензии я попытаюсь продвинуться вслед за очерченной авторкой мыслью и ответить на вопросы о том, как возможно стоять по ту сторону насилия и в чем может быть выражена философия девочки? Девочка в этом контексте выступает как некоторая модель, на которую можно ориентироваться и которую возможно практиковать, примерять и обучать по аналогии с моделью маскулинного поведения. В качестве теоретических ресурсов я использую тексты и идеи Никласа Лумана, Джудит Батлер, Эммануэля Левинаса и Кэрол Дж. Адамс. Объектами анализа будут отдельные, но связанные между собой компоненты и практики, которые могли бы собираться в философию девочки по Тимофеевой: от дружбы до отказа потреблять мясо в пищу.

247

Невзросление и обучение: детскость как форма ненасилия

Научение насилию — это необходимый компонент взросления. По Тимофеевой, воспитание, взросление и усвоение социальных норм моделирует бинарное деление на людей и животных, маль-

чиков и девочек. На первый взгляд кажется, что для Тимофеевой насилие является следствием гендеризации общества в рамках патриархальной системы, однако неясно, как формируется бьющий мальчик и небьющая (?) девочка из изначально заботливого и доброго ребенка. Получается, что вопрос о насилии и заботе тесно связан с вопросами философии знания (обучения) и социологии возраста. Возникновение символического и механического насилия связывается с усвоением знания в конкретный период жизни человека.

Для рассмотрения вопроса обучения и детства я обращусь к теории Лумана. Гибкость детского субъекта и обучаемость концептуализированы Луманом как особая среда в тексте «Ребенок как среда обучения» (Луман 2023). В категорию теоретически значимых объектов для Лумана не попадают этика, насилие и человеческий внутренний мир, однако его концептуализация ребенка и образования может продуктивно соседствовать с теоретизацией Тимофеевой. Ребенок, по Луману, — это среда, то есть такое явление, которое может быть подвергнуто изменению извне посредством языка, приобретающего форму воспитания, то есть попытки структурного преобразования (Там же, с. 21). Особость статуса ребенка в этом случае связывается не с мировосприятием или органическим пацифизмом и безусловной любовью, но с открытостью изменениям на структурном уровне, то есть со способностью к обучению (Там же, с. 59).

248

С одной стороны, открытость и гибкость системы знания как характеристика детскости может быть растянута на весь период жизни человека, при условии сохранения практик самообучения. При должной гибкости системы собственного знания можно быть ребенком/студентом/обучающимся всю жизнь (Там же, с. 60). По Луману, самый важный навык человека связан с овладением знаковой системой, то есть языком. С момента открытия способности к самообучению через письмо и чтение человек становится автономным и изолированным в процессе получения и обработки нового знания.

С другой стороны, в системе воспитания ребенок — это тот, кого следует при помощи внешнего воздействия сформировать и научить истинному и правильному, пока сохраняется гибкость его или ее ума. Лумана не интересуют вопросы гендерной социализации, но следуя логике его теории, можно утверждать, что если обучать детей вне зависимости от пола и гендера практике заботы, то возможно изменение системы социальных отношений, основанных на насилии.

Получается, что практика заботы в рамках философии девочки, по Тимофеевой, может быть связана с гибкостью ума, чтением (с чтением о заботе, с заботой о чтении) и невзрослением. До определенного момента мы все не только дети, но и в соответствии с патриархальной логикой, в которой за насилие отвечают мальчики,

а за заботу девочки, мы *все* до определенного момента научения маскулинности — девочки. Изначальный, прирожденный пацифизм, о котором пишут и Тимофеева, и Фрейд, может быть связан с некоторой надгендерной девочковостью. Любопытным образом эта идея сочетается с материальной и медицинской фактологией: «сначала» все действительно девочки: все человеческие эмбрионы на очень ранних стадиях развития (до примерно 6–7-й недели) изначально развиваются по женскому типу (Wizemann, Pardue 2001; Munger 2019).

Практика заботы и психоанализ

Следующее теоретическое основание, синтез с которым может быть продуктивным для оформления философии девочки, — это работы Зигмунда Фрейда в интерпретации исследовательницы гендера Джудит Батлер.

В 4-й главе книги «Сила ненасилия» (Батлер 2022) Джудит Батлер политизирует классический психоанализ и погружает его в область философии этики. Батлер реконструирует ключевые понятия Эроса и Танатоса в контексте противоборства их проявлений: ее вслед за Фрейдом интересует, как сосуществуют в людях противоречащие друг другу стремления к смерти и к жизни.

Ключевым объектом воздействия сил Танатоса и Эроса являются связи между людьми и их трансформация. Батлеровский анализ основных понятий Фрейда в рамках исследования потенциальности политики ненасилия концентрируется на либидо как на стремлении к коммуналности, общественности и установлению связей. Танатос здесь выступает силой, которая разрушает человеческие связи, в то время как Эрос создает их (Там же, с. 164). Батлер обращается к текстам переписки Фрейда с Эйнштейном (физик написал психоаналитику с поиском ответа на вопрос о возможности предотвращения войны, ученые переписывались в 1931–1932 годах, непосредственно перед приходом Гитлера к власти) и к тексту «Недовольство культурой» (Фрейд 2013). Батлер указывает на развитие концепции Танатоса как незротической агрессии и деструкции (Там же, с. 172). Авторка показывает, что самого Фрейда беспокоила эскалация насилия, и в качестве противостояния ему он видел Эрос или любовь. Для Фрейда укрощение Танатоса с помощью Эроса становится возможным в двух вариантах: через усиление уз любви, которые препятствуют механическому влечению к смерти, и с помощью культурного и социального воспитания, то есть прививания отвращения к насилию. Тяга к войне преодолевается через мобилизацию Эроса и формирование коммунитарных форм идентификации в группах. Сплочение за счет и вокруг сил любви, поддержи-

ваемое чувством солидарности между членами группы, — спасение от неустанный натиска сил насилия, войны и тирании.

Возвращаясь к вопросу о практике философии девочки, можно установить, что поиск соприкосновения и взаимного влияния этического и политического в тексте Батлер позволяет развить идею заботы в патриархальном мире через стремление к сообществу и укрепление связей. Практическим проявлением заботы и любви становится образование социальных сетей, сопровождаемых общей идентификацией, которая не основывается на национальных признаках (Там же, с. 189), например, таких как дружба, профсоюзы, художественные и научные коллективы, диджитал-сообщества, спортивные клубы. В этом случае изоляция будет практикой насилия, маскулинности и стремления к смерти, а коллективность и, возможно, даже само стремление к коллективности, поиск поводов для построения связей будет практикой заботы.

250 Сама возможность выступать против войны, по Фрейд, возможна только потому, что органически люди — пацифисты. Батлер приводит цитату из переписки с Эйнштейном: «Основная причина, почему мы выступаем против войны, заключается в том, что мы не можем вести себя по-другому. Мы пацифисты, ибо должны быть ими в силу органических причин» (Там же, с. 191). Тем не менее естественность установки на миролюбие, так проявляемая в детстве в наиболее чистом виде, может развиваться только при условии правильного воспитания¹. Ненасилие, как мы видим в работе Тимофеевой, вновь связывается с проблематикой обучаемости и педагогики.

С точки зрения поиска практических решений в контексте соучастности и установлении связей в образовании можно процитировать текст манифеста позднесоветских педагогов, опубликованный впервые в 1986 году. Детскость как практика и как ресурс возникает в коллективном (!) манифесте учителей-визионеров, которые собрали обновленные принципы педагогики в период реформ общего образования. «Педагогика сотрудничества» (1986) имеет прикладной и идеологизированный характер, манифест посвящен поиску нового основания для коллективного обучения

1 «Фрейд апеллирует к органической природе, с тем чтобы она проявила необходимый пацифизм, но это может произойти только там, где “рост культуры” вызвал озлобление против войны и ощущение ее невыносимости. Таким образом, только воспитанная органическая природа открывает для себя, что воинственные чувства перестали быть такими уж захватывающими, потому что только через оптику, привитую воспитанием, любой из нас может увидеть — и представить себе — разрушение органической жизни, которое несет с собой война и мысль о котором оказывается невыносимой для людей в свете их собственной органической жизни» (Там же, с. 192).

труду и профессии в общеобразовательных школах через обращение к идее диалога и совместности. Таким образом, практики образовательного опыта ребенка отмечают важность сохранения внутренней детскости и уязвимости: «Учителя работают с детьми, оттого они и сами отчасти дети — в этом их профессиональная сила, а не слабость. Только сохраняя в себе некоторую детскость, детское самолюбие, ранимость, способность к воодушевлению, тонкость чувств, можно понять ребенка, почувствовать детей, принимать каждого мальчика, каждую девочку как личность» (Там же, с. 22).

Таким образом, собирается общий для практики и теории заботы концептуальный узел, в своем центре имеющий стремление к соучастности через любовь (Эрос) и дружбу, оплетенный культивированием и воспитанием, которые дополнительно скрепляются сохранением детскости или ее атрибутов.

Молчание как практика заботы

Отказ от символического насилия языка и слова в форме молчания также может являться практикой ненасилия и заботы. Размышляя о языке, Тимофеева пишет, что: «набор выразительных средств, предназначенных говорить о насилии, жертва заимствует из обычного языка, зараженного этим насилием и более приспособленного то ли для порно, то ли для показаний» (Тимофеева 2024, с. 16), — насилие (вос)производится не только в делах, но и в словах, которыми мы пользуемся. В этой части я развиваю идею о форме противостояния, отражения, переизобретения механизма насилия языка с помощью обращения к идеям Эммануэля Левинаса и Жака Деррида.

Важно, что для Левинаса слова и язык не описаны как активные силы насилия, они оцениваются как бесполезные ресурсы в попытке установить какие-либо отношения с Другим (Левинас 2000, с. 277). Однако в интерпретации Деррида отказ от языка и молчание, в логике Левинаса, может быть этическим идеалом взаимоотношения с Другим. В таком прочтении Левинаса язык и слово подчиняют себе Другость, а трансцендентальное молчание по ту сторону логоса и слов позволяет не осуществлять насилие означения над Другим (Деррида 2004).

В контексте практик заботы, молчание в форме ненасилия может быть локализовано по эту сторону логоса и слов. Примером такого молчания является молчание в учебном классе, которое анализируют авторы текста «The sound of silence in pedagogy» (Zembylas, Michaelides 2004). Авторы статьи опираются на этико-философский проект Левинаса и показывают, что на феноменологическом уровне

тишина в классе — это эпистемологически и педагогически заряженный ресурс. Авторы отмечают важность невербальной коммуникации учителя и учащихся через выражения лиц и телесные движения. В то же время тишина и молчание могут быть использованы в качестве образовательного ресурса: место, освобожденное от шума и слов, является необходимым компонентом в преподавательской и студенческой деятельности — обдумать полученное знание нужно именно в тишине. Нормализация тишины и практика тишины в классе освобождает молчание учащихся от негативных коннотаций: если молчишь, значит, не знаешь ответ, стесняешься, не понимаешь. В то же время тишина как способ бытия с Другим в классе на буквальном уровне становится формой ненасилия: в молчании по отношению друг к другу в ситуации обучения появляется место для размышления, внимательности и заботы (Zembylas, Michaelides 2004, pp. 200-203). Молчание как выбор и как практика позволяет переопределить значение тишины в классе и дать место невыразимому.

252

Молчание, тишина и отказ от вербализации могут быть проявлениями заботы не столько на трансцендентном уровне отношения с Другим, сколько на уровне социального взаимодействия в ситуациях вынужденного говорения и насилия языка. В моменте, где мы находимся в мире, который уже захвачен символическим насилием, возможной формой сопротивления становится отказ от использования этого языка или предоставление места для его неиспользования в ситуациях, где вербальное ожидается. Тишина становится формой бытия рядом с Другим на феноменологическом уровне, формой знания, которая не сводится к тотальности языка и позволяет выбрать внеязыковые формы коммуникации.

Таким образом, практиковать заботу и бережное со-бытие с Другим — значит молчать рядом с Другим, давать место тишине, в особенности в институционализованных пространствах, предполагающих говорение.

Веганство как практика заботы

Для Оксаны Тимофеевой фигура животного напрямую связывается с устройством механизма (не)насилия. Дружба с животными внутри себя, признание себе в том, что (мальчики) вы/мы — звери на уровне практики может быть связано с веганством (как системой взглядов и действия): ведь друзей, подобных себе, обычно не едят, не носят в качестве одежды и не эксплуатируют в индустриальном масштабе. В теоретическом поле, описанном Тимофеевой, практиковать веганство — значит быть девочкой, поскольку ненасилие

и забота о близком — атрибуты девочки и ребенка. Массовое, систематизированное, индустриализированное убийство животных ради употребления в пищу и использования плоти и костей в промышленности — определено практика насилия, в то время как отказ от использования и поедания тел убитых зверей становится практикой ненасилия и заботы. Люди — это звери в смысле пресуппозиции любви ко всем живым и (не)похожим; когда мы любим безусловно, то не видим разницы между собой и кошкой, собакой, коровой. Критические исследования животных, рефлексия антропоцена и спесишизма — теоретические области, которые могут вступить с идеями Тимофеевой в продуктивный синтез.

Веганство как критическая и этическая форма рефлексии спесишизма также становится заботой, то есть угрозой маскулинности и жестокости (Bekoff 1998, Potts and Philip Armstrong 2018). Тогда, по Тимофеевой, в патриархальном мире и философской структуре социального, возможно, гендеризированный как мальчик человек, не практикующий употребление животной плоти в пищу становится девочкой на этическом уровне.

Веганство как идея и практика в своих основаниях не может опираться на внутрипатриархальные идеи. Мясоедение как одна из форм угнетения животных в критических феминистских исследованиях связывается с проблематикой текста, языка и культуры. Так, в книге Кэрл Дж. Адамс «The Sexual Politics of Meat» (Carol J. Adams 1990) фигурирует анализ мифа о Зевсе, поедающем Метиду, и проблематизируется гендеризированная политика распределения мяса. Машина маскулинности симметрично воздействует на животных и женщин во множестве проявлений практик и структурного насилия, вшитого в устройство институтов воспитания, общества, экономики и политики, а веганство выступает в роли знака отвержения маскулинного контроля и насилия. Веганство как практика возвращает значение убийству зверя, которое обычно спрятано или отсутствует в практиках бытового мясоедения. «Мальчики, вы звери» — может быть сказано/прочитано в качестве напоминания и обнажения спрятанного животного не только внутри травмированного и психоанализируемого ребенка и взрослого, но и внутри повседневно съедаемой тарелки с мясом.

Заключение

Рецензируемая книга предлагает переосмысление генеалогии насилия, смещая фокус с сексуальности на более ранние и менее артикулируемые формы опыта — детское и звериное. Прочтение книги через оптику заботы позволяет дополнительно подсветить этиче-

ское измерение предложенного Тимофеевой анализа и связать его с теориями о возрасте, обучении, социальных связях и животности.

Философия девочки оказывается не биологически или гендерно детерминированной, а основанной на практике заботы и ненасилия, противопоставленной патриархальным режимам социализации. Что тогда значит быть девочкой в рамках имманентной ей философии? Быть девочкой — находиться в тишине, не есть зверей, читать книги, дружить. Быть девочкой — стоять по ту сторону от насилия, не только в качестве объекта, но в качестве субъекта.

Все эти варианты переплетаются и взаимообуславливаются: знание о насилии, практикуемом на скотобойнях, способствует отказу от мяса, отказ от мяса становится формой молчания рядом с животным — Другим в себе и вне себя, стремление к укреплению связей возможно в совместном чтении, дружба может быть основана на совместном отказе от мяса, совместная практика вегетарианства может стать последствием дружбы.

Список источников / References

254

Батлер Дж. (2022) *Сила ненасилия: Сцепка этики и политики*. Изд. дом Высшей школы экономики. ISBN 978-5-7598-2496-1 (e-book). EDN: BWSNAD. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2665-1>

— Butler J. (2022) *The Force of Nonviolence: The Ethico-Political Bind*. Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. ISBN 978-5-7598-2496-1 (e-book). EDN: BWSNAD. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2665-1> (in Russ.)

Левинас Э. (2000) *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. Университетская книга.

— Levinas E. (2000) *Selected works. Totality and Infinity*. Universitetskaya kniga. (in Russ.)

Левинас Э. (2004) *Избранное: Трудная свобода. Гуманизм другого человека*. РОССПЭН.

— Levinas E. (2004) *Selected works: Difficult freedom. Humanism of the other person*. ROSSPEN. (in Russ.)

Луман Н. (2023) *Ребенок как среда воспитания*. М.: Изд-во ПСТГУ.

— Luhmann N. (2023) *The Child as a Medium of Education*. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University Press. (in Russ.)

Педагогика сотрудничества. Манифест. (2016) Издательский дом «Первое сентября».

— *Pedagogy of Cooperation: A Manifesto* (2016). Pervoye Sentyabrya Publishing House. (in Russ.)

Тимофеева О. (2024) *Мальчики, вы звери*. М.: Individuum.

— Timofeeva O. (2024) *Boys, You Are Beasts*. Moscow: Individuum. (in Russ.)

Фрейд З. (2013) *Недовольство культурой*. Харьков: Фолио.

— Freud Z. (2013) *Dissatisfaction with culture*. Kharkiv: Folio. (in Russ.)

- Adams C. J. (2024) *The Sexual Politics of Meat — 35th Anniversary Edition: A Feminist-Vegan Critical Theory*. Bloomsbury Publishing USA.
- Barnhill A., Budolfson M., Doggett T. (2018) *The Oxford Handbook of Food Ethics*. Oxford University Press.
- Bekoff M. (1998) Resisting speciesism and expanding the community of equals. *Bio-Science*, 48(8), pp. 638–641. <https://doi.org/10.2307/1313423>
- Greenebaum J. (2012) Veganism, identity and the quest for authenticity. *Food Culture & Society*, 15(1), pp. 129–144. <https://doi.org/10.2752/175174412x13190510222101>
- Gruen L. (2018) *Critical Terms for Animal Studies*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226355566.001.0001>
- Munger S. C., Capel B. (2019) A tale of two tracts: History, current advances, and future directions of research on sexual differentiation of reproductive tracts. *Biology of Reproduction*, 101(3), pp. 602–616. <https://doi.org/10.1093/biolre/iox079>
- Wizemann T. M., Pardue M.-L. (Eds.) (2001) *Sex begins in the womb. In Exploring the Biological Contributions to Human Health: Does Sex Matter?* National Academies Press (US). <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK222286/>
- Zembylas M., Michaelides P. (2004) The sound of silence in pedagogy. *Educational Theory*, 54(2), pp. 193–210. <https://doi.org/10.1111/j.1741-5446.2004.00014.x>

Об авторе

Дударенко Александра Дмитриевна — студентка магистратуры «Фундаментальная социология» в МВШСЭН, Москва, Россия. Научные интересы: социология тела, философия возраста, critical disability studies (критические исследования инвалидности).

<https://orcid.org/0009-0009-5094-3932>. E-mail: ad.dudarenko@yandex.ru

Alexandra D. Dudarenko — a second-year master's student of the *Fundamental Sociology* program at the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES), Moscow, Russia. Research interests: sociology of the body, philosophy of age, critical disability studies.

<https://orcid.org/0009-0009-5094-3932>. E-mail: ad.dudarenko@yandex.ru